

УДК 801.3:82

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

О. И. Леценко,

ГВУЗ “Украинская академия банковского дела Национального банка Украины”,

ул. Петропавловская, 57, г. Сумы, 40030, Украина,

E-mail: Leshchenko.Olga@yandex.ru

В статье исследуются этнические особенности оязыковления антропоцентричности в англоязычном фольклорном дискурсе. Фокусируется внимание на пространственно – временных параметрах вербализации авторского присутствия в условиях специфики ФОЛЬКЛОРНОГО дискурса. Проводится системный анализ территориальных аспектов проявления сказителя как маркеров авторской представленности, зафиксированных в текстах англоязычных сказок.

Ключевые слова: антропоцентричность, нарратор, маркеры традиционного сказителя, территориальные аспекты, англоязычная сказка.

Проблема субъективного фактора и антропоцентричности в познании разных аспектов действительности является одной из центральных методологических и теоретических проблем во всех науках – в меньшей степени в естественных науках, где она имеет выраженный методологический характер – обозначение степени субъективности полученных данных, в гораздо большей степени в общественных и гуманитарных науках, где ее исследование имеет большое не только методологическое, но и теоретическое значение, поскольку здесь человек выступает и как объект исследования. Однако в языкознании, особенно в отечественном, глубокие исследования этой проблемы начались относительно недавно, хотя некоторые ее аспекты в не достаточно целенаправленном плане изучались в психолингвистике и преимущественно в стилистике – относительно индивидуального (авторского) стиля, то есть особенностей выбора коммуникантом языковых, прежде всего стилистических, средств – и позднее в прагматической лингвистике. В последнее время среди широкого круга языковедов наблюдается решительный поворот к этой актуальной, теоретически важной и безусловно перспективной теме “ человек и его язык, речь и продуцированные им тексты ”.

Современная лингвистика связывает речевую деятельность со всеми видами человеческой деятельности, что объективирует ее антропоцентрический характер. Изучение прагматических интенций адресанта на материале текстов, экстерниоризации авторских замыслов в фольклорном дискурсе помогает глубже распознать природу категории антропоцентричности, ее реализацию в поверхностных и глубинных структурах текстов, что и обуславливает **актуальность** данного исследования.

Объектом анализа в статье выступают тексты англоязычных сказок; **предметом** – описание и анализ этнических особенностей реализации человеческого фактора в условиях специфики исследуемых текстов.

Антропоцентричность является универсальной чертой когнитивного процесса, отношения человека к познанию окружающего мира. Антропоцентричность восходит к автоцентричности живых существ, их естественного стремления к выживанию, самосохранению и расширению используемых средств для обеспечения жизнедеятельности.

Антропоцентричность как универсальная категория включает в себя связи типа «человек 1 – человек 2», «человек - микросреда», «человек - социум», «человек - его знания о мире», «человек - созданные им образы».

В ходе развития общества антропоцентричность реализуется во всех формах духовной культуры и фиксируется в специальных знаковых системах: в мифологии, религии, искусстве, языке. Анализ средств выражения антропоцентричности помогает осмыслить проблемы человеческого фактора и языковых картин мира.

Сказка - специфическое, увлекательное и по-своему загадочное явление духовной культуры. Рождаясь на обыденном уровне, как отражение жизненного опыта народа и продукт его неиссякаемой фантазии, сказка изначально антропоцентрична. Одна из многих функций сказки - моделирование человеческих жизненных ситуаций. Сказка как бы дает возможность человеку примериться к каким-то жизненным ситуациям, при этом сказочные, но кое в чем реалистические сюжеты содержат нужные подсказки для решения создавшихся проблем.

В сказках отражается жизнь общества, отношения между людьми, мораль и этика народа, его мечты и надежды.

Как форма художественного творчества сказка полифункциональна. Ее назначение - развлечь, развеселить, помочь нескучно провести свободное время, утешить ребенка, а иногда и припугнуть, научить полезному, предостеречь. Каждый народ вкладывает в сказку свою специфическую жизненную философию, определяемую бытом и историей народа. Антропоцентричность сказки этнически ориентирована.

Так, национальная специфика отражается в сюжете русских сказок, в которых изначально ничем особым не отличающийся герой оказывается носителем скрытых, неразворачивающихся до поры черт и способностей - ума, красоты, силы, ловкости, хитрости, везучести. Ср. сказки об Илье Муромце, Иванушке-дурачке, Марье Моревне, Василисе Прекрасной, Елене Премудрой, Царевне-лягушке, Финисте Ясном соколе и т.д.

Английские сказки по-своему социально обусловлены, этнически ориентированы. В английской сказке отражаются условия жизни, верования, самосознание носителей языка. В Юго-Восточной и Средней Англии обособляются бытовые комические сказки, в кельтском Уэльсе преобладают волшебные легенды, сказки об эльфах и русалках. В Восточной Англии предпочтение отдается призракам. В Шотландии бытуют более архаичные сказки о волшебных метаморфозах животных. В Ирландской сказке сильно чувствуется влияние христианства.

Анализ сказочных текстов показывает, что среди семантических универсалий сказки особое место занимают категории хронотопа и антропоса. Сказка отличается обязательной трехмерностью – категориями Времени, Пространства и Человека, которые, приобретая специфическую реализацию, прямо или косвенно эксплицируются в любом сказочном тексте.

В современном международном сказковедении не вызывает сомнений тот факт, что природа, характер сказки предполагают наличие особых традиционных формул повествования и своеобразие сказочного стиля. На проблемы, связанные с когнитивными аспектами формул указывает В. Я. Пропп при описании художественных средств русской волшебной сказки [1, с. 177, 197-198]. Систематическое исследование стиля сказочного повествования и формул сказки проведено румынским фольклористом Николае Рошияну, который на материале романских (преимущественно румынских), а также славянских и некоторых восточных сказок делает довольно интересные выводы о статусе традиционных формул в структуре этих текстов [2].

Традиционные формулы (ТФ) сказки - это универсальные модели, предоставляемые в распоряжение сказочника традицией, это схемы, в которые рассказчик вкладывает материал, модифицирует сюжеты, сохраняя при этом форму. Сущность традиционных сказочных формул заключается в их функциях, непосредственно связанных со спецификой сказки как сложного жанра, это не «приемы», а показатели известного отношения к действительности. ТФ сказки представлены тремя группами - инициальные, медиальные и финальные.

Всякий сказочник, как правило, начинает свою сказку «датированием» действия, т. е. фиксацией его во времени и/или «локализацией» этого действия, указанием места, где происходит то, о чем будет рассказано. Соответственно принято выделять два типа инициальных формул: формулы времени (хронологические) и формулы пространства (топографические) [2, с. 18].

Сказочник помещает свою сказку в специальный хронотоп – во время [Т] или в пространство [S], или и во время и в пространство [TS]. В этом и состоят первые функции инициальных формул сказки. Например:

[T]: *Once upon a time there was a shoemaker who made very good shoes* [3, p. 34];

[S]: *A little red hen lived all alone in a house in the forest* [3, p. 156];

[TS]: *There was once a gentleman who lived in a fine house with his kind and gentle wife and their pretty daughters* [3, p. 18].

Типологический анализ инициальных формул свидетельствует о том, что у восточнославянских народов, в частности, в русской и украинской сказке, определения времени [Т], как правило, отсутствуют в инициальной формуле, функцию «датирования» действия выполняет, в основном, время грамматическое («жили-были»). Элемент [S] занимает приоритетное место, выступая в различных вариантах.

Ср. русск.: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею» [4, с. 225].

«За тридцять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было» [5, с. 149].

укр. «Де-не-десь, у якійсь царстві, жив собі цар та цариця...» [6, с. 197].

«Було це в сімдесятсьомій державі, за Скляною горою, де вітер не довіває, де сонце не догріває, де птахи не долітають. Жив собі один газда. Мав трьох синів. Двох розумних, а третього – дурнякуватого» [6, с. 189].

В английских же сказках наблюдается противоположная тенденция. Для англоязычных сказок, наоборот, характерны именно хронологические инициальные формулы с различными вариантами определения времени [Т].

Пространственной неопределенности места действия, актуализируемой характерной для русских и украинских сказок топографической формулой типа «в некотором царстве, в некотором государстве», в английских сказках противостоит «оязыковление» неопределенного времени. Характерным началом англоязычной сказки является фраза (хронологическая формула): «*Once upon time (there)...*», которая выступает как первый и основной маркер традиционного сказителя.

Ср. «*Once upon a time a little old man and a little old woman lived in a neat little house in a wood*» [7, p. 3].

«*Once upon a time there was a king who had an extraordinary garden*» [8, p. 25].

«*Once upon a time, in a small cottage near to a forest, there lived a woodcutter with his wife and son whose name was Hansel*» [9, p. 19].

Такое начало сказки предоставлено в распоряжение нарратора традицией, оно создано его предшественниками и отшлифовывалось в ходе длительного живого бытования сказки. Нарратор действует в данном случае как знаток и последователь традиций. Однако, несмотря на традицию, здесь срабатывает и определенная избирательность. Сохраняя общую схему (форму) хронологической инициальной формулы, призванной актуализировать неопределенность сказочного времени, нарраторы англоязычных сказок модифицируют лексический материал, создавая при этом различные варианты.

Рассмотрение разнообразных случаев инициальных формул позволяет утверждать, что события англоязычной народной сказки, как правило, из реального времени исключены, они носят вневременной неопределенный характер. Только в полусказках-полулегендах или сказках, приближенных к быличкам, т.е. смешанных жанрах, может встречаться более или менее определенное указание времени.

Ср. «*There lies in the parish of Merthyr Tydfil a hollow that some call Pant yr Aros, Hollow of the Staying; some call Pant yr Hanes, Hollow of the Legend. In a century gone by there was a farm thereabouts called Pantannas; and at that time the fairies used to pay frequent visits to several of the fields belonging to the farmer* [10, p. 91].

В отдельных случаях нарратор англоязычной народной сказки пытается в какой-то мере соотнести время действия сказки с реальным историческим временем, намекнуть читателю хотя бы приблизительно, когда же это происходило:

«*In the days of the great Prince Arthur, there lived a mighty magician, called Merlin, the most learned and skilful enchanter the world has ever seen*» [11, p. 173].

«*In the reign of the famous King Edward III there was a little boy called Dick Whittington, whose father and mother died when he was very young, so that he remembered nothing at all about them...*» [11, p. 179].

Однако, время при этом идентифицируется лишь описательно, косвенно. Кроме того, такие случаи не типичны для англоязычной сказки, в которой, как и в сказке восточнославянской, следует констатировать полную замкнутость художественного времени. Употребление лексики прямой темпоральной референции в текстах сказки обычно исключается, временные отрезки «прошлости» обозначаются посредством единиц неопределенной количественности, что вытекает непосредственно из особенностей жанра, с одной стороны, и детерминруется человеческим фактором, возрастными особенностями восприятия времени читателями-детьми, с другой стороны.

Основные пространственные параметры описываемых сказочных событий, как и временные, так же получают первичную экспликацию в инициальных формулах, восходящих к одному из эпицентров текста - нарратору (сказителю, адресанту).

В современном сказковедении принято считать, что место действия в сказках либо вообще не упоминается, либо имеет ирреальный, географически неопределенный характер. Неопределенность места действия сказки, также как и неопределенность временных параметров, вытекает непосредственно из особенностей жанра и традиционно считается характерной неотъемлемой чертой сказки. В большинстве проанализированных нами англоязычных сказок пространственные показатели действительно носят неопределенный характер или фактически не представлены. Так, в 32,17 % всех проанализированных текстов нарратор вообще не упоминает место действия, т.е. пространственные указатели не вербализируются, например:

Ср. 1) «*Once upon a time there was a boy whose name was Jack, and lived with his mother on a common. They were very poor, and the old woman got her living by spinning, but Jack was so lazy that he would do nothing but bask in the sun in the hot weather, and sit by the corner of the hearth in the winter-time. So they called him Lazy Jack*» [11, p. 171].

2) «*There was a liddle small dunk foal and he wanted to go look - see at life, so when his old mammy weren't a - looking he trit - trotted off on his wankly liddle legs*» [10, p. 280].

В других сказках (36,52 % всех текстов) локальные (ирреальные) параметры идентифицируются посредством иллюзорных единиц типа *lived in the forest; lived in a lonely cottage; lived in a country far away in the north; at the World's end*. География места обозначается сказителем завуалированно, неопределенно. Например:

«*Once upon a time there were three bears who lived in a house in the forest*» [3, p. 9];

«*Dere was once a poor ould widder-woman as lived in a little cottage...*» [10, p. 272];

«*There was once a pretty little girl who lived in a cottage on the edge of some woods*» [3, p. 96];

«*Three little girls once lived in a house far away over the sea*» [12, p. 28].

Однако, во всем массиве проанализированных англоязычных сказок выделяются тексты с достоверной географической или исторической ориентацией. Этот блок текстов составляет 31,3 % всего фактического материала. Таким образом, почти

третья часть английских сказок отличается топографической конкретикой, ирреальное в этих сказках помещается в реальный локус.

Посредством размещения сказки в реально существующем пространстве, т.е. указания географически достоверного места ирреального события сказитель-британец не только отличается от сказочников других народов, но и идентифицирует себя как этнического представителя. Реальные параметры событий при этом могут выражаться при помощи упоминания страны («*There was a man in Ireland once who was called Malcolm Harper*» [13, p. 41]), а также при помощи названий графств, городов, деревень, описаний особенностей ландшафта.

Ср. «*There was once a grown-up lad in the County Leitrim, and he was strong and lively, and the son of a rich farmer*» [10, p. 245].

«*At a farmhouse called Berth Gron, in the parish of Llanfabon, there once lived a young widow. She had a little boy whom she loved more than her own eyes*» [13, p. 61].

«*There was once a farmer called Jack o'Kent who had a small piece of land near Kentchurch in Herefordshire; he grew enough to support himself and his family, though he did but poorly at the best of times*» [10, p. 110].

«*Once upon a time there lived in the village of Netherwitton a cottager and his wife whose greatest unhappiness was that they had no children*» [10, p. 196].

«*There was once a poor man who lived in the fertile glen of Aherlow, at the foot of the gloomy Galtee mountains, and he had a great hump on his back...*» [10, p. 262].

«*High in a hollow in the Black Mountains of South Wales is a lonely sheet of water known as Llyn y Fan Fach. In a farm across the hills from this lake there lived at Blaensawde near Llandeusant, Carmarthenshire, a widow with her only son Gronw...*» [10, p. 81].

Введением в сказку точных географических указаний места события сказочник-британец проявляет себя как знаток топонимики, который с первых строк текста заявляет о себе, о своем этническом происхождении и, соответственно, о принадлежности сказки определенному народу. Стремление рассказчика уточнить место описываемых событий, и тем самым с самого начала идентифицировать сказку именно как английскую, кроме фактора адресата, которому предоставляется возможность получить более определенную пространственную ориентацию, могло быть объективировано (обусловлено) желанием сказочников-британцев отграничить свой фольклор от фольклора других соседних народов, всегда оказывавшего на английский фольклор большое влияние и зачастую вытеснявшего в Англии собственно английские сказки.

Следует подчеркнуть, что конкретное указание на реальное место сказочных событий бывает в англоязычных сказках как релевантным, так и относительным, например:

«*Down in the West, somewhere by the borders of the Tavy, there once lived a kind old woman*» [10, p.34].

Географическая конкретность в данном случае, с одной стороны, контрастирует с маркером сказочного неопределенного времени «once», а, с другой стороны, размывается посредством «somewhere», маркера традиционного сказителя.

Этот сказочный маркер места встречается и в полусказках-полулегендах:

«*More than a hundred years since, there lived somewhere near Lizard Point a man called Lutey, who farmed a few acres of ground in the parish of Cury, or Corantyn, as it was then called*» [10, p. 37].

Показательно, что маркер локальной неопределенности «somewhere» в совокупности с другим маркером «there lived» совместно размывают конкретность параметров места и времени, превращая данный текст в смешанный жанр рассказа и сказки.

Тенденцию к помещению сказки в географически определенное пространство следует, на наш взгляд, рассматривать как один из элементов, порождаемый характерной для англоязычной народной сказки близостью к жанру рассказа.

Идентификация определенного географического и исторического места может, однако, быть поводом для возражения относительно принципиального отнесения данных текстов к сказкам, так как рассказы, относящиеся к историческим местам или историческим личностям, обычно определяют в фольклористике как сказания, предания, отграничивают от сказки и выделяют в особый, отличный от нее жанр [1, с. 52–53].

В. Я. Пропп совершенно справедливо относит к преданиям (сказаниям) рассказы, которые выдаются за историческую истину и непосредственно связаны с каким-нибудь городом, деревней, урочищем, озером, курганом или историческими именами. Но при этом В. Я. Пропп замечает, что в отнесении фольклорного материала к сказаниям необходимо быть очень осторожным. Выделение данного жанра произведено по признаку наличия в нем известной категории действующих лиц или по историческим названиям или событиям. Однако этот признак не всегда является решающим. Решающим все-таки является поэтика каждого жанра. Так, В. Я. Пропп настаивает, к примеру, на том, что наличие в рассказе имени Грозного еще не дает нам права принимать этот рассказ за действительно историческое предание [1].

Именно по признаку своеобразной сказочной поэтики, по признаку вымышленности событий и следует относить рассматриваемые англоязычные тексты к сказкам, несмотря на наличие указаний в них маркеров исторической и географической определенности. Упоминание исторического места, а иногда и исторических личностей в данных текстах носит, как правило, единичный характер, место упоминается лишь один раз – в зачине сказки, весь же дальнейший ход событий целиком построен на вымышленности, на сказочной необычности, которая и составляет содержание именно сказки. Признак необычности, в свою очередь, стоит в неразрывной связи с другим существенным параметром сказки – ее развлекательностью. Прерогативой развлекательной функции данные тексты и отличаются от собственно преданий, основная цель которых – сообщить какие-то сведения.

Основные категории сказки (Время, Пространство, Человек) получают особое антропоцентрическое представление в инициальных блоках анализируемых текстов. Здесь оязыковываются исходящие от автора указания на хронотоп ирреальных событий, на выбор героев как одного из эпицентров сказки, на характер предыдущего социального опыта и модификацию последнего в русле вербальной представленности. Лингвокреативная функция автора [14] пронизывает все блоки текста и специфически представлена в аспекте речетворчества, в авторской экспликации референтов сказки. Ср. диалектальные аспекты авторского представления.

Следует отметить, что диалектальные модификации наиболее характерны для народных сказок различных регионов Британских островов. (см. сборник «Folk-tales of the British Isles», 1987). Данный сборник, составленный английским писателем и переводчиком Джеймсом Риорданом, занимает промежуточное место между научным изданием и обычным популярным и, скорее, предназначен взрослым, чем маленьким любителям сказок. Кроме диалектальных модификаций сборник изобилует описаниями поверий, а также включает образцы устных поэтических жанров, что свидетельствует о предназначении сборника для взрослого адресата. Часть сказок дается целиком на диалекте.

Диалектные (территориальные) аспекты (как в авторской речи, так и в речи персонажей) несут дополнительную смысловую информацию. Адресату становится понятной этническая представленность сказителя и его героев. Этому, в частности, способствуют рекуррентные графоны [15, с. 21], фонографические единицы самого нижнего уровня речевой структуры текста.

Диалектальная принадлежность сказки эксплицируется также посредством региональных слов и собственных имен. Так, уэльская сказка колоритна единицами

типа *Tylwyth Teg*; *Gwr Cyfarwydd* (собственные имена); *Twty Cwmrws* (название места); *Llyn Ebyr* (название озера) [10, p.89-90]; *Tylwyth Teg*; *Taffyar Sion*; *Sion Evany Cryddo Glanrhyd* (собственные имена) [10, p. 97-101].

Ирландская сказка изобилует диалектными словами типа *rann* (вместо «rhyme»); *ceilidhe* (вместо «party, evening visit»); *boreen* (вместо «bane»); *bodach* (вместо «clown») [10, p. 246-252], а также целыми диалектными изречениями и рифмовками типа '*gradh gach cailini mprallach a leine*' ('the love of every girl in the breast of his shirt');

*'Feuch an rogaire 'y iarraidh poige,
Nih-iongan tas mor e abheith ma rata
Ag leanamhaint a geomhnuidhe d'arnan na graineoige
Anuas 'sanios 's nna chodladh 'sa 'la.* [10, p. 246];
*Da Luan, Da Mort,
Da Luan, Da Mort,
Da Luan, Da Mort,
August Da Darden* [10, p. 266].

Диалектальные модификации находятся в прямой зависимости от степени литературной обработки народной сказки. Важным является то, что как реальный локус, так и диалектные аспекты речетворчества сообщают адресату о территориальной принадлежности сказки и одновременно идентифицируют этническую представленность ее автора (сказителя).

Таким образом, реализация антропоцентрического принципа в англоязычном дискурсе отличается универсальным характером. Исследование локальных параметров англоязычной сказки, роли автора в актуализации последних свидетельствует об облигаторной действительности антропоцентрического фактора, проявляющегося в композиционных блоках англоязычного фольклорного дискурса по дихотомическому принципу: автор – место события (реальное и ирреальное); автор – этническая общность, к которой он принадлежит; автор – его страна; автор – его социальный и лингвистический опыт.

SUMMARY

ETHNICAL ASPECTS OF ANTHROPOCENTRIC PRINCIPLE REALIZATION IN ENGLISH DISCOURSE

O. I. Leshchenko,
*Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine;
57, Petropavlivska St., Sumy, 40030, Ukraine,
E-mail: Leshchenko.Olga@yandex.ru*

The article deals with ethnical peculiarities in linguistic expression of anthropocentrism in the English folklore discourse. Local and temporal parameters of verbalization of the author's presence in folklore discourse are identified. The territorial aspects of author's representation within the texts of the English fairy-tales have been analyzed.

Keywords: anthropocentrism, narrator, traditional narrator's markers, territorial aspects, English fairy-tales.

РЕЗЮМЕ

ЕТНІЧНІ АСПЕКТИ РЕАЛІЗАЦІЇ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОГО ПРИНЦИПУ В АНГЛОМОВНОМУ ДИСКУРСІ

О. І. Лещенко,
*ДВНЗ "Українська академія банківської справи Національного банку України",
вул. Петропавлівська, 57, м. Суми, 40030; Україна,
E-mail: Leshchenko.Olga@yandex.ru*

У статті досліджуються етнічні особливості омовлення антропоцентричності в англomовному фольклорному дискурсі. Фокусується увага на локально-часових параметрах вербалізації авторської присутності в умовах специфіки фольклорного дискурсу. Здійснюється ґрунтовний аналіз територіальних

аспектів прояву казкаря як маркерів авторської представленості, зафіксованих в текстах англомовних казок.

Ключові слова: антропоцентричність, наратор, маркери традиційного казкаря, територіальні аспекти, англомовна казка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 335 с.
2. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. – М.: Наука, 1974. – 215 с.
3. Treasury of Literature for Children. A Collection of the Best-Loved Classic Stories and Rhymes. – New York: Barnes and Noble Books, 1993. – 319 p.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. Т. I. – М.: Наука, 1984. – 512 с.
5. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. Т. II. – М.: Наука, 1985. – 464 с.
6. Золота книга казок: українські народні казки / упоряд. Л. Ф. Дунаєвської. – К.: Веселка, 1990. – 431 с.
7. The Gingerbread Man. – London, 1962. – 24 p.
8. The Golden Bird. – Donetsk, 1993. – 32 p.
9. Snow White and other Stories. – Moscow, 1992. – 64 p.
10. Folk-Tales of the British Isles. – Moscow: Raduga Publishers, 1987. – 368 p.
11. An Anthology of Children's Literature. Sel. by Demurova. – Moscow: Prosvechenie, 1965. – 367 p.
12. Reading Aright. Book 1. Sel. by J. H. Steel. – London: Berners Street, 1992. – 140 p.
13. Favourite Celtic Fairy Tales. Sel. by J. Jacobs. – New York: Dover Publications, 1994. – 84 p.
14. Кобякова И.К. Особенности реализации языкотворческой функции в английских текстах малого жанра: дис.... канд. филол. наук. – К., 1996. – 179 с.
15. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

Поступила в редакцию 26 февраля 2014 г.